

Старшая и пока единственная дочь Цзяняньского хоу, которому быстрые языки уже успели приписать титул «Великого», родилась третьего дня после праздника Драконьих лодок, что посчитали хорошим предзнаменованием. Первый месяц девочки, которую называли Чэнхуа, ее видели только родители, дядя, кормилица и несколько служанок, но к началу осени молодой госпоже исполнялось три месяца, и многие родственники собрались, чтобы выразить ей и Цзяняньскому хоу свое почтение. Со стороны семьи Фэн пришел сам молодой глава, двоюродные дядя Чэнхуа и другие близкие ее матери люди: со стороны отца же все вышло несколько сложнее.

Пань Тань происходил из обедневшего рода, некогда владевшего скудными землями недалеко от столицы. В своем поколении он остался единственным кроме нескольких старых дальних родственников, а семейное имущество и слуг распродав, когда ушел служить в армии Императора. Выходило так, что близкие ему люди — лишь сослуживцы. Приглашать на праздник молодой госпожи служивых людей, которые, как известно, всюду распространяли невольно кровавую ауру смерти, считалось неуместным, и, будучи беременной, Фэн Сяолин ни раз говорила, что подобного не потерпит, даже если родится мальчик — однако к празднику вдруг смягчилась и сама предложила пригласить побольше людей, чтобы восславить доброе будущее малышки. На вопросы старых служанок и кормилиц, обеспокоенных подобным решением, Фэн Сяолин лишь смеялась:

— Ее отец военный и с первого дня глядит на нее: разве случилось что-то плохое? Наоборот, Чэнхуа растет здоровой и крепкой — возможно, общение с друзьями отца пойдет ей только на пользу.

Фэн Жун не рассказывал сестре своих планов, лишь сказал, что на праздник Чэнхуа владелец павильона Цветения пропадает: Фэн Сяолин не знала, рада она этой новости, или взволнована. На Пань Таня она теперь не могла смотреть как прежде и, пусть ничем не выражала своей отстраненности, ночами, что он оставался в ее покоях, старалась всем ему угодить.

Весь праздник Фэн Жун провел в нервном возбуждении: еще утром от двора Императора пришли пышные подарки. Принесших их евнухов и служителей министерства обрядов приняли со всем вниманием и разместили в богатых комнатах, накормив редкими яствами и напоив чаем — ушли они лишь к вечеру. Никто не заметил в поведении процессии ничего настораживающего. Среди многочисленных дядюшек, тетюшек и обладающих суровыми лицами даже в богатых одеждах военных, никто не думал о павильоне Цветения — даже Фэн Жун, выпросив у сестры поддержать племянницу на руках, в какой-то момент забыл о нем. Лишь когда Пятый принц, прибывший всего на четверть часа, чтобы отдать поздравления, бросил на него быстрый взгляд, Фэн Жун вспомнил о собственных довольно неблагоприятных делах — но сумел ничем вдруг охватившей душу тревоги не выдать, продолжая болтать с гостями и бросать на Пань Таня по своему обыкновению полные презрения взгляды.

Однако, когда празднование закончилось, Фэн Жун даже не стал дожидаться паланкина: схватил под уздцы своего коня и, не чувствуя земли под копытами коня, отправился в собственное поместье. Знали о его делах дома лишь несколько доверенных человек, потому у ворот юноша не стал ни о чем спрашивать и, быстро поздоровавшись с бабушкой, сослался на усталость и удалился в свои покои. Смотря ему вслед, матушка Сяоху обеспокоенно качала головой:

— Расстроился снова из-за сестры! Глупый, не понимает, какое счастье ей выпало! Что всю свадьбу проплакал, что сейчас опять глупостями заниматься будет!.. — женщина раздраженно взмахнула руками, словно старая облезлая птица пыталась взмахнуть крыльями, и нянюшки вокруг принялись ее успокаивать.

Фэн Жун между тем пришел в свой двор, выгнал оттуда всех служанок, кроме нескольких, и нетерпеливо приблизился к задней стене. Тут росло несколько деревьев бадьяна и стояла уютная беседка с каменными перилами, которую словно облака окружали пышные кусты поздних пионов. Днем из-за главного дома свет солнца сюда не проникал, а входа видно не было — место получалось мрачным, пусть и уединенным. Фэн Жун тут бывать не любил, но теперь, подойдя к стене, отодвинул заросли орешника — там скрывалась небольшая дверь. Двор Фэн Жуна, Сад орхидей, был соединен этим тайным ходом с соседним павильоном: говорили, несколько поколений назад один из членов семьи через него ночами ходил к наложнице, которую не жаловала его ревнивая жена. Сейчас о ходе уже мало кто помнил, а соседний двор был пуст — до этой ночи.

Едва приблизившись, Фэн Жун в главном доме увидел теплый свет и несколько фигур. Войдя, он взволнованно кивнул Пятому принцу, которого сопровождал один из даосов, и обратил взгляд к третьему человеку, что нерешительно замер на низкой запыленной кушетке внешних покоев.

Ли Инчунь выглядел точно так, как Фэн Жуну о нем рассказывали: он был облачен в простые серые одежды без украшений, подпоясанные лишь веревкой, волосы его были забраны в низкий пучок, а на бледном лице даже в изменчивом свете единственной свечи виднелись несколько алых ссадин. Однако, несмотря на столь плачевный вид, Ли Инчунь выглядел скорее раздраженным, чем испуганным: Фэн Жун не знал, о чем они уже успели с Фу Ичжэнем поговорить, но смотрели друг на друга молодые люди воинственно.

— Господин Ли, рад наконец-то с вами познакомиться! — улыбнулся Фэн Жун, решив недовольство Пятого принца с его дурным характером пока оставить.

— Его Высочество легко узнать, но вот с молодым господином я не имею чести быть знакомым, — протянул Ли Инчунь, с ног до головы осмотрев Фэн Жуна. Голос его был хриплым, словно у юноши пересохло горло, и Фэн Жун быстро дал знак стоящей рядом служанке принести воды.

— Вот как? — не дав Фэн Жуну открыть рта, протянул Пятый принц. — Неужели с господином Ли мы уже знакомы?

— Вовсе нет, — повел плечами Ли Инчунь. — Но я знаю вашего старшего брата, Третьего принца, и что-то... — в выражении лица юноши появилось высокомерие. — ...общее у вас есть.

Пятый и Третий принц из общего имели только отца — от кажущейся безобидной фразы Ли Инчуня Фу Ичжэнь нахмурился еще более. В столице Третьего принца знали как человека ненадежного и жестокого, громко кричащего о своем положении и любыми способами его демонстрирующего. Этот молодой господин обладал всего несколькими хорошими качествами, а в остальном его можно было назвать совершенно пропащим — такое сравнение для Пятого принца в самом деле было сродни оскорблению.

Не дав ему начать спорить, Фэн Жун вышел вперед и представился:

— Моя фамилия Фэн, я владеец этого поместья. Господин Ли, узнав о вашем бедственном положении я взял на себя смелость пригласить вас сюда и задать несколько вопросов. Не будете ли так добры ответить?

Пусть Фэн Жун, что положением обладал несопоставимо более высоким, представился как полагается и даже чуть склонил в уважении голову, Ли Инчунь не поднялся ему в ответ. Обратив взгляд на его ноги, Фэн Жун заметил, что одна из них бессильно обмякла и не стал заострять на этом внимания. Вопросов в душе юноши становилось все больше.

Внезапно ему на плечо положил руку Фу Ичжэнь и, отведя на несколько шагов, свистящим шепотом, который всюду в комнате можно было услышать, прошептал:

— Брат Фэн, в вежливость играть будем потом — человек перед тобой может в самом деле оказаться преступником.

Фэн Жун прищурился:

— Если бы Ваше Высочество в это верил, то не стал бы помогать мне с его спасением.

— Я теперь на него взглянул и точно уверился, — улыбнулся Фу Ичжэнь. — Не поздно еще вернуть его обратно?

Фэн Жун этого слушать не стал, и, осуждающе вздохнув, стряхнул с себя руку принца.

— Вашему Высочеству оставаться здесь надобности нет, вы можете уже идти.

Отстранившись от Фу Ичжэня, Фэн Жун снова приблизился к кушетке. В этот момент вернулась служанка с хрустальным кувшином и простой чашей: наскоро налив воды, она передала ее Ли Инчуню. Тот не стал отказываться и в несколько глотков осушил чашу, а затем другую за ней и еще раз. Казалось, что этого человека не только избивали, но и морили в поместье хоу жаждой.

Кашлянув, Фэн Жун начал вновь:

— Господин Ли, позвольте мне пока отбросить вежливость. О вашем положении я узнал случайно и помог не только из чувства справедливости, — Фу Ичжэнь за спиной юноши фыркнул, но Фэн Жун не обратил на него и доли внимания. — Сейчас для меня важно вот что: за что вас заключили?

Ли Инчунь внимательно слушал, а после на миг опустил глаза и ответил:

— Я не знаю, — в этой его тихой фразе прорезалась настоящая растерянность, но тут же юноша вскинул взгляд и с прошлым своим высокомерием спросил: — Это, значит, для молодого господина первостепенно?

— Конечно, — не стал увиливать Фэн Жун. — Жена Пань Таня приходится мне...

Ли Инчунь, однако, округлив глаза, его перебил:

— Жена?

Юноши переглянулись между собой: на каждом лице тень оставило непонимание. Подумав, что Пань Тань своему пленнику о делах поместья мог не рассказывать, Фэн Жун пояснил:

— Больше года назад он взял в свой дом главной женой мою старшую сестру, а сегодня тот случай, что помог спасти вас — праздник по случаю трех месяцев их дочери.

Ли Инчунь выглядел удивленным, но не шокированным, какими бывают брошенные любовники. Он приложил к подбородку тонкие пальцы и задумался. В раздумьях черты его осунувшегося лица казались особенно острыми и резкими, а глаза из запыленной яшмы обращались холодными звездами. К сожалению, узнать, о чем юноша в тот вечер думал, Фэн Жун не смог: вскоре он закашлялся и выглядеть стал настолько больным, что расспрашивать его дальше даже Пятому принцу показалось жестоким. Молодые люди заранее во внешнем

флигеле поселили лекаря и тот пришел по первому зову, чтобы помочь внезапному пациенту. Расспросы пришлось отложить.

Однако ни следующим утром, ни днем за ним Фэн Жун так и не смог поговорить со своим тайным гостем: приставленный к нему лекарь сообщил, что Ли Инчуню следует сейчас отдыхать и восстанавливаться. Этот лекарь жил в деревне, принадлежащей семье Фэн, и по молодости служил в господском доме: но выхаживал Фэн Жуна и Фэн Сяолин от детских болезней, принимал роды у наложницы их отца, и, если бы не почтенный возраст, сейчас ухаживал бы за матушкой Сяоху — но, состарившись, предпочел вернуться домой и отойти от дел. Фэн Жун привез его сюда тайно и пообещал, что работой нагружать не станет — лечить надо было лишь единственного человека.

— Вот так, значит, вы, маленький господин, за долгую помощь вашему покойному батюшке мне благодарны, — ворчал старик, раскладывая в отданной ему комнате баночки и свертки с лекарственными травами. Фэн Жун оставался господином, потому сидел на почетном месте, но от ругани лекаря невольно ссутулил плечи, вновь ощущая себя сбившим колени при разорении птичьих гнезд мальчишкой, который упраскивает не рассказывать о случившемся отцу. — Только я обустроился, отпраздновал свадьбу внука, пригласил к себе семью дочери из Хэнани погостить, насажал вокруг дома овощей — так вызвали меня в самую столицу. Так вызвали и вызвали, мы, недостойные, все понимаем, но зачем было врать? Сказали не больше пары недель все займет — я и животине ровно столько еды оставил, и соседку попросил чуть-чуть за огородом присмотреть: а теперь что? До выздоровления вашего гостя снег уже ляжет и стает! Ах, пропали мои огурчики, а как завязались-то...

— Прости, дядя Линь, я и сам не знал, — неловко оправдывался Фэн Жун. Тут же, впрочем, вспомнив о гордости и опыте, приобретенном в зале собраний Императора, он расправил плечи и с улыбкой сказал: — Не переживай о своем доме: я пошлю людей за ним приглядеть. А молодого господина, кроме как твоим умелым рукам поручить и не знаю больше кому. Не сочти за грубость просьбу вылечить его.

Старик Линь через плечо покосился на Фэн Жуна: мальчишка, что захлебывался слезами от вида крови, теперь очень складно убеждал его остаться. Пусть мужчина и говорил, что давно потерял мастерство, руки его сортировали лекарства без капли присущей пожилым людям бессильной дрожи, а мутные глаза под тяжелыми веками были все так же внимательны и остры. Старик Линь вздохнул:

— Сладко говоришь, маленький господин, куда такому старику как я возражать? — тут же он нахмурился. — Но все же гость твой откуда взялся?

— Не могу сказать, — ответил Фэн Жун. Он все еще вежливо улыбался, как улыбаются скульптуры великих деятелей древности с фасадов императорского дворца — широко, но безжизненно. — Дядя Линь, это странное дело, лучше тебе в него не лезть.

— Ох как молодой господин теперь заговорил, — продолжал ворчать лекарь, но в душе был согласен с Фэн Жуном. Не ему, отжившему свое слуге, лезть в господские дела. — Однако вот что я тебе скажу: на лечение много времени и сил потребуется. Ссадины, что на лице этого по фамилии Ли, пустяки, затянутся за пару недель, но вот нога серьезно повреждена и внутренних травм много. Я тебе написал, что мне из лекарств потребуется — прикажи купить.

Фэн Жун принял список и внимательно взгляделся в него. Старик Ли между тем пояснил:

— Кроме синяков да ссадин, у него есть врожденная болезнь, о которой он сам мне рассказал и

дал рецепт лекарства, которое всю жизнь пьет. Я его проверил — в самом деле такое есть, не обманывает. Пить его нужно каждый день, потому ингредиенты мне нужны как можно скорее.

Фэн Жун кивнул и тут же подозвал к себе Фэнцзи, строго наказав:

— Отправь младших служек покупать: только пусть идут в разные места по городу и покупают немного трав тут, немного там. Посмотри, может что-то у нас есть в кладовых. Если кто спросит — для матушки Сяоху берем: в ее возрасте одними лекарствами и питаются.

Старик Ли, который всего на несколько лет был младше матушки Сяоху, задохнулся возмущением, но спорить не стал. Поговорив еще немного о состоянии Ли Инчуня, он выгнал Фэн Жуна из своего домика, сказав, что прямо сейчас начнет готовить лекарства. Покинув лекаря, Фэн Жун хотел провести Ли Инчуня, но приставленный к нему человек Пятого принца ответил, что тот спит — молодой господин не стал его тревожить. К этому времени как раз вернулась раздавшая поручения Фэнцзи, и, задумчиво глядя на находящийся в не самом достойном виде Сад камелий, Фэн Жун сказал ей:

— Оставайся тут.

— А? — раскрыла глаза от удивления девушка. Тут же ресницы ее намокли от подступивших слез: — Вы что же, господин, выпроваживаете меня? Больше я вам не нужна?

— Что ты такое говоришь, — щелкнув девушку по лбу, улыбнулся Фэн Жун. Тут же взгляд его однако стал серьезным. — Только тебе я достаточно доверяю, чтобы попросить присмотреть за Ли Инчунем. Вы с ним, к тому же, уже знакомы, так что, может быть, он скажет тебе что-то важное — а до того времени заботься о нем, словно он и есть твой господин.

Фэнцзи надулась, но спорить не стала, одновременно недовольная решением своего хозяина, и польщенная им. Кроме нее у Фэн Жуна были две другие доверенные служанки, девочки Мэйцзы и Мэйхуа, которые смогли бы заменить Фэнцзи в ее работе — и все же в Сад камелий девушка шла с неохотой. Пусть в поместье хоу Фэнцзи Ли Инчуню прислуживала всего пару дней, уже тогда она почувствовала, что с этим молодым господином не сойдется характером — так оно и вышло.

Через несколько дней, поздно вечером возвращаясь в свои покои, Фэн Жун заметил у них Фэнцзи, которая, опустившись на корточки у сливового дерева, что-то печально рисовала пальцем на голой земле. От звука шагов девушка поднялась и, увидев своего господина, едва не бросилась ему на шею. Пусть в Сад камелий войти сейчас можно было лишь через Сад орхидей, Фэн Жун в последние дни был занят работой при дворе, потому с Фэнцзи почти не пересекался. Она тут же хотела начать жаловаться ему, но юноша сумел служанку успокоить и привести к себе в покои, спрятав исповедь ее души от чужих ушей. Мэйцзи принесла господину чай, а Мэйхуа помогла переодеться, пока Фэнцзи рассказывала:

— Ох, молодой господин, если бы не ваш приказ и строгость дядьки Линя — я бы этого Ли Инчуня сама поколотила! У него ни гроша в кармане, дома нет, а хоу его по всей Столице ищет — а он и носом не ведет! Высокомерный, словно петух! Возомнил о себе невесть что и вашей, молодой господин, добротой пользуется!

— Что он сделал? — с любопытством спросил Фэн Жун.

— Вы спрашиваете, господин, а я и не знаю, с чего начать! — всплеснула Фэнцзи руками. — У него требований больше, чем у императорской наложницы, а то и самого Императора!

Мэйхуа бросила на девушку недовольный взгляд: пусть они и были в покоех сейчас всего вчетвером, подобные разговоры могли вылиться в неприятности для Фэн Жуна. Тот, однако, лишь улыбнулся. Фэнцзи продолжала:

— Разговаривать нельзя, ходить нужно тихо, а лучше — вообще перед глазами не мельтишить, когда дядька Линь приходит — я должна скрыться и ждать у дверей покоев, будут ли приказания! Вчера поручил натаскать воды для омовения: в бадье чтобы ее было не больше пяти цуней, но не меньше трех, и температурой как парное молоко — ни холоднее, ни жарче! Ночью не позволяет мне спать в комнате рядом с господскими покоем, выгоняет во флигель у ворот, и вообще от себя отсылает после каждого поручения, словно я ему глаза мозолю! Потом зовет обратно: но голос у него слабый, мне приходится к каждому шороху прислушиваться, чтоб услышать. А если я вовремя не иду — смотрит на меня так, словно я самолично всех его предков обесчестила! Сил больше это терпеть нет, господин!

— Так ты, выходит, не справляешься? — язвительно уточнила Мэйцзи. Фэнцзи аж подскочила на своем месте:

— У него служанки лучше во всей его жалкой жизни не было! Он и правила-то эти глупые придумывает потому, что все другое я выполняю неукоснительно!

— Спасибо за твой труд, — похвалил девушку Фэн Жун. Тут же взгляд его стал серьезным: — За время в Саду камелий ты что-то странное заметила?

— Живущий в нем человек — вот сплошная странность! — ворчливо отозвалась Фэнцзи, но тут же вздохнула и рассказала: — Кроме того, что он меня к себе не подпускает и от каждого шороха вздрагивает — ничего, молодой господин. Станными делами он не занимается, лишь спит, пьет лекарства и читает. В остальном мне и рассказать вам нечего.

Фэн Жун кивнул и через минуту поднялся:

— Я навещу его.

— Только настроение себе испортите, — тихо сказала Фэнцзи, но Фэн Жун лишь улыбнулся:

— Я его сюда привез не для того, чтобы поселить рядом и забыть. Надо выяснить, что он Пань Таню сделал, и нужно ли сестре на его счет беспокоиться. Да и Пятый принц, стоит сказать, на приемах Императора дырки во мне уже взглядом прожог: ходить сюда каждый день без причины он не может, а узнать, что с Ли Инчуном за история — интересно.

Сказав так, Фэн Жун отправился в сопровождении Фэнцзи и Куаня в Сад камелий. За несколько дней этот заброшенный павильон приобрел обжитой вид: пустой сад был убран, дорожки чисто выметены, протершиеся от времени бумажные вставки в дверях заменены. У дорожки и на крыльце главного дома стояли белые фонари, освещающие все вокруг ласковыми касаниями, а внутри комнаты все еще горел свет. Фэн Жун не послал Фэнцзи вперед себя, чтобы предупредить о визите, а просто прошел во внешние покои. Ли Инчуня он в начале вовсе не увидел, но после Фэнцзи молча указала на открытую веранду с другой стороны комнаты, которая выходила в маленький внешний двор с заросшим лотосами прудом.

Тут убраться еще не успели, потому сидящему на низкой кушетке юноше открывался вид по-настоящему печальный, но он на окружение внимания будто вовсе и не обращал. Укутавшись в теплый плащ, Ли Инчунь под светом жаровни и нескольких тонких свечей низко склонил голову над лежащей на его коленях книгой. В тусклом свете, на фоне неухоженного сада он напоминал глубокого старика, согнувшегося от старости, но, когда юноша вскинул взгляд,

стали четко видны молодые, хоть и осунувшиеся черты его лица.

Фэн Жун вышел к нему и улыбнулся:

— Господин Ли, добрый вечер. Я не помешал вам?

Ли Инчунь медленно, словно желая пристыдить хозяев, посмотрел сначала на Фэн Жуна, а затем на Фэнцзи. Тяжело вздохнув, он неспешно закрыл свою книгу и лишь после этого протянул:

— Вовсе нет.

Фэн Жун его приветствия дождался лишь ради соблюдения остатков приличия. Тут же сев на кресло рядом, юноша сказал:

— Простите, если скромные условия этого дома стесняют вас. Надеюсь, господин Ли будет снисходителен.

— Не стоит волноваться, — вновь бросив неспешный взгляд на неухоженный сад, ответил Ли Инчунь.

— Вы чувствуете себя лучше? — не обращая на выражение лица молодого человека внимания, спросил Фэн Жун. Ли Инчунь не желал поддерживать его праздную болтовню, потому вновь ответил коротко:

— Да.

— Я очень рад, — улыбнулся Фэн Жун. Прищуренные его в улыбке глаза вдруг открылись и голос прозвучал чуть суше: — Тогда молодой господин хочет рассказать, что все же произошло между вами и Пань Танем?

Выражение лица Ли Инчуня не дрогнуло:

— Я уже говорил — я не знаю.

— Молодой господин, не стоит скрывать это, чем бы оно не было, — с дружелюбной улыбкой попытался убедить Фэн Жун. — Я выручил вас и разместил тайно здесь, в своем доме, так разве не было бы вежливо с вашей стороны рассказать все?

— Боюсь, мне нечего сказать.

Улыбка Фэн Жуна дрогнула: последние дни были слишком тяжелы для него, чтобы юноша мог сейчас удерживать спокойное выражение лица. Конечно, Пань Тань заметил пропажу своего пленника. Он не объявлял об этом открыто, но неоднократно его или его людей видели рыскающими по столице, иступленно ищущими кого-то. Цвет лица Пань Таня на утренних собраниях стал своим плохим, и даже Император заметил это, вызвав хоу к себе: неизвестно было, о чем они говорили, но с молчаливого позволения сына дракона Пань Тань продолжил свои поиски. Он проверял притоны бродяг и дешевые таверны, выезжающие и приезжающие караваны и, конечно, всех, кто был на празднике Чэнхуа: в один момент в зале собраний Фэн Жун и на себе поймал взгляд внимательных и холодных, словно осколки льда, безжизненных глаз.

Несколько дней он не получал весточек от Фэн Сяолин. Чтобы не навести подозрений на себя,

сестра не связывалась с ним и Фэн Жун знал, что с ней все в порядке — но не мог не нервничать. А вдруг, лишившись Ли Инчуня, Пань Тань возьмется за свою законную жену? А вдруг узнает, что Фэн Жун замешан в похищении и решит угрожать ему жизнями сестры и племянницы? Несколько дней от подобных мыслей Фэн Жун просыпался в холодном поту, но ему оставалось лишь ждать и верить в Пятого принца, который хорошо замел следы — однако несговорчивость Ли Инчуня будто перечеркивала все старания и тревоги. Если он откажется говорить, то был он здесь, или остался бы в поместье хоу — разницы нет. Фэн Жуну казалось, что в чужих глазах цвета запыленной яшмы он видит насмешку над собственными страхами и в глубине души будто готов уже был поступить так же, как ненавистный Пань Тань, чтобы добиться ответов.

Глубоко вздохнув, Фэн Жун опустил голову, чтобы через несколько мгновений поднять взгляд снова. В его лице больше не было лицемерного дружелюбия и показной расслабленности: под глазами черной тенью легла тревога и особенно заметными стали морщинки от частых улыбок в уголках губ молодого человека. Не стараясь больше подбирать слов, Фэн Жун сказал:

— Братец, я очень волнуюсь за свою сестру. Понимаю, что для тебя происходящее выглядит как смена одной клетки на другую, и ты не знаешь ни меня, ни Пятого принца, чтобы нам довериться, но давай я расскажу, как мы узнали о тебе, — юноша снова тяжело вздохнул, воскрешая в памяти воспоминания годовой давности, которые, казалось, за прошедший малый срок успели уже зарости изумрудным мхом и покрыться грязью. — Почти год назад моя сестра познакомилась на гулянии в честь праздника Драконьих лодок с Пань Танем, и к концу лета вышла за него. Я был против свадьбы с этим черствым воякой, но ей он понравился, потому мне оставалось только устроить свадьбу и подготовить приданное, — Ли Инчунь слушал внимательно: с его лица наконец пропало скучающие, высокомерное выражение — пропало всякое выражение, отчего лицо стало казаться безжизненной восковой маской. Лишь цепкие глаза, следящие за Фэн Жуном из-под полуопущенных ресниц, горели жаркими искрами.

— Несколько недель все было в порядке, а потом сестра вдруг вернулась домой: официально — чтобы провести нас, но на самом деле она пришла ко мне. Сяолин рассказала, что в поместье ее мужа есть павильон, о котором она раньше не знала и в котором, по рассказам слуг, живет наложник хоу, — Ли Инчунь тихо фыркнул.

Фэн Жун поднял на него взгляд и вгляделся в черты лица напротив: если забыть о болезненной бледности кожи и впалости щек, Ли Инчунь имел довольно приятную внешность. У него были глаза формы цветения персика, с чувственно опущенными внешними уголками, густые нижние ресницы, словно подведенные тушью, и тонкие губы, извечно приподнятые в язвительной улыбке. Его нельзя было назвать непревзойденным красавцем, а некоторые назвали бы его внешность и вовсе отталкивающей и не внушающей доверия, как у хули-цзин, заманивающей путников своими сладкими речами, однако резкая мимика юноши, делающая лицо живым и чувственным, невольно притягивала взгляд. Закатывал ли он глаза, или изящно вздергивал бровь в немом неодобрении — все эти выражения пленяли, заставляли вслушиваться в бархатный, чуть хриплый голос:

— Это он приказал меня так называть?

— Не знаю, — покачал головой Фэн Жун. — Когда сестра спросила — Пань Тань сказал, что в павильоне лишь музыкант, которого он привез откуда-то, а слуги все напутали. Сестра, однако, не желала сдаваться и терпеть третьего в своей постели, потому попросила меня помочь. Год мне потребовался, чтобы пробраться в павильон Цветения и вывезти оттуда молодого господина. Не стану лукавить: то, что я вижу — меня пугает. Я хочу лишь знать: стоит ли мне опасаться теперь за сестру и племянницу.

Ли Инчунь смотрел прямо Фэн Жуну в глаза — тот упрямо не отводил взгляда. Пусть молодые люди были почти ровесниками, одного взгляда на них бы хватило, чтобы понять, в насколько разных мирах они жили и какие разные ценности имеют. Дракон никогда не понял бы тревог карпа — и все же Ли Инчунь первым отвел взгляд. Пришла его очередь вздохнуть, проводя по обложке лежащей на коленях книги кончиками пальцев.

— Молодой господин Фэн очень искренен — наверное, девушек это подкупает.

— У меня нет времени на глупости, я забочусь в первую очередь о благе своей семьи, — тут же ответил Фэн Жун. Он не лукавил: к своему возрасту юноша никогда не был близок с женщиной или мужчиной — видимо, прямота его слов оказалась очевидна, потому как Ли Инчунь снова хмыкнул.

— Я ни в чем не соврал молодому господину Фэну — я не знаю, чего Пань Таню от меня было нужно, — опустив взгляд, сказал Ли Инчунь. Фэн Жун на миг решил, что юноша все так же желает отнекиваться, но тот неожиданно продолжил. — На самом деле, я знаю о всем произошедшем поменьше вашего: в один момент меня отослали в его поместье, где этот сумасшедший принялся издеваться, не говоря ни слова. Первое время я пытался спросить у него, понять, что происходит и за чьи грехи я расплачиваюсь — но он никогда не отвечал. Почти и не говорил со мной, когда приходил в павильон. За все три года жизни там я слышал от него лишь несколько фраз, одна из которых — я это заслужил.

Пусть взгляд Ли Инчуна был опущен, а голос — тих, невозможно было эту речь принять за вранье. Невольно холодный пот выступил на спине Фэн Жуна: а если истории, что рассказывала Фэнцзи о подобных людях правда, и следующая за кого Пань Тань возьмется — Сяолин?..

— Я никогда не видел его до этого, — продолжал между тем Ли Инчунь. — О, у меня было много времени вспомнить, и я готов дать хоть руку, что хоть голову на отсечение — я в жизни не встречал этого человека и не пересекался с ним интересами, лишь слышал кое-какие истории, из тех, что гуляют о Великом хоу по столице. Однако мне показалось странным...

— Что? — уточнил Фэн Жун, вынырнув из пучины своих тревожных мыслей и невольно сглотнув.

— Господин Линь наверняка сказал молодому господину, что у меня есть одна врожденная болезнь, — быстро взглянув на Фэн Жуна, ответил Ли Инчунь. — Она стала проявляться еще в детстве, и тогда мне дали рецепт лекарства, которое требуется пить каждый день, чтобы чувствовать себя хорошо. Его мне готовила кормилица, потом она умерла и вслед за ней отправилась мать: слуги отцовского дома не обращали на меня внимания, потому лекарство с двенадцати лет я готовил себе сам. Отец, я уверен, о моей болезни даже и не помнит — куда ему знать рецепт. И все же... — Ли Инчунь коснулся подбородка тонкими пальцами и в выражении его лица появилось искреннее недоумение: — Пань Тань откуда-то знал и о болезни, и о рецепте. Со мной в его поместье отправили слугу новой жены отца, о моих делах ничего не знающего. И остальные домашние не стали бы утруждаться, рассказывая. Но в первый же день, когда меня заперли в том павильоне, человек Пань Таня принес то самое лекарство.